

тие крупнейших компаний (транснациональных компаний и финансово-промышленных групп). России нужно как минимум удвоить общий объем инвестиций, а для этого необходимы изучение и выработка направлений по совершенствованию механизма функционирования инвестиционного рынка.

Литература

1. Российские ОАО прозрачны на 80% (электронный ресурс <http://www.rcb.ru/news/259984/>).
2. Терешкина О.С. Дивидендная политика как фактор спроса на акции // Известия МГТУ «МАМИ» Научный рецензируемый журнал. Серия 5. Социально-экономические науки. № 4(18), 2013, т. 1.

О «номенклатурно-олигархическом постиндустриализме» или для чего нужна модернизация в России

д.э.н. проф. Филякин Ю.П.
Университет машиностроения
kafedra-ekonomika@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются следующие вопросы: достоверность социально-экономического прогнозирования, реформа «номенклатурно-олигархического постиндустриализма», необходимость всесторонней модернизации страны.

Ключевые слова: реиндустриализация, модернизация, инновации; финалистское и либеральное прогнозирование; «номенклатурно-олигархический постиндустриализм», проблемы конкурентоспособности экономики.

27 мая 2014 г. в Госдуме было отмечено 25-летие I съезда народных депутатов СССР. На юбилейной встрече выступил один из организаторов Межрегиональной депутатской группы – первой официальной оппозиции в СССР – доктор экономических наук, профессор Попов Г.Х.

Для статьи, которая была написана им на основе этого выступления [1], характерно то, что в ней излагаются позиции прогрессивной партийной интеллигенции, уже перешедшей на сторону демократов и пытающейся возглавить процесс революционных изменений в стране. Отсюда вытекают и амбивалентность позиции автора по многим вопросам, и в целом социалистическая направленность его концепции. Дело в том, что Г. Попов в доперестроевское время выступал в качестве эксперта по вопросам коммунистического строительства, «входил в обойму» участников групп по подготовке материалов к документам XXIII, XXIV и XXV съездов КПСС. Наряду с этим фактором в деятельности данного автора встречались и досадные эпизоды, о которых он сам говорит в книге «Снова в оппозиции», когда страстное желание стать членом Академии наук ССР обернулось тем, что он «принялся подыгрывать одним, вступил в конфликт с другими. Бани, вечера на даче, подарки... Своим я не стал, а «не своих» борющиеся в академии группировки не признают» [2, 36]. Все это дело закончилось для нашего фигуранта выговором по партийной линии и лишением должности декана экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Жизненные обстоятельства толкали автора в сторону оппозиции. В горбачевскую перестройку его избирают народным депутатом СССР от Союза научных и инженерных обществ, затем одним из пяти сопредседателей Межрегиональной депутатской группы, далее председателем Моссовета и, наконец, мэром г. Москвы. Это был пик карьеры Г. Попова. Он не стал «держаться за власть» и ушел в отставку, уступив месту своему заму Ю. Лужкову. В связи со своим уходом Г. Попов писал: «Я не выдержал экзамен на пост мэра, но я выдержал гораздо более важное испытание – на то, чтобы сохранить имя российского демократа. Раз уж так получилось, что для сдачи экзамена на

демократа надо отказаться от поста мэра – я нашел в себе силы это сделать. Я не состоялся как мэр. Но я состоялся как демократ». Примем эти рассуждения «кающегося номенклатурщика» на веру.

Первый вопрос, который вытекает из статьи Г. Попова, носит методологический характер. Автор признает, что «нельзя работать, не имея четкого представления о будущем и о возможных путях к нему» [1]. По его мнению, впервые интеллигенция не предложила народу ни перспектив, ни вариантов действия к концу XX века. Так ли это на самом деле и где здесь истина?

Если речь идет о краткосрочной или среднесрочной перспективе, то здесь нет вопросов: главным делом было накормить народ, обеспечить его безопасность и создать условия для нормального существования, постепенно повышая его уровень до высокоразвитых стран мира. А что касается долгосрочной перспективы, то здесь мы встаем перед дилеммой: либо руководствоваться финалистской концепцией каких-либо мыслителей или политических деятелей (например, К. Маркса или солидаристов, либералов и демократов), либо вообще сама идея иметь четкие «карту и компас» должна быть отвергнута.

В «пятичленке» К. Маркса все понятно: есть пять общественно-экономических формаций, и последняя – коммунизм, где не будет антагонистских противоречий и развитие пойдет по восходящей линии сколь угодно долго. Это и будет «финалом» исторического развития человечества. Но разум и житейский опыт подсказывают, что могут быть и другие схемы не только коллективистского, но и индивидуалистического пути развития. Так, по мнению Ф. Фукуямы, к концу XX века мир воспринял либеральную демократию как «конец истории», которую с точки зрения «прогресса в развитии принципов и институтов общественного устройства» [3, 9] уже улучшать нельзя. Если кратко- и среднесрочную перспективу развития общества определяют политики, то долгосрочную – главным образом социологи и философы.

Мы здесь не будем рассматривать иррациональные формы исторического развития, хотя такой пласт проблем есть и в современной культуре (религия), и в современной философии (теология).

Итак, ясно, что никакого долговременного проекта развития страны в отдаленном будущем нет и быть не может. У Г. Попова под таким проектом понимается идея Ш. Фурье о «строе социального гарантизма», основанного на непроверяемых концепциях социалистов и солидаристов о будущем как благоденствующем человечестве. Все это напоминает не научный прогноз, а эфемерную мечту о всеобъемлющем человеческом счастье.

Другой вопрос связан с характеристикой того этапа развития, на котором находится страна, и спецификой политического режима в России. По мнению автора рассматриваемой концепции, в стране построен вариант «номенклатурно-олигархического постиндустриализма». Речь на самом деле может идти лишь об анклавах постиндустриализма, на самом деле перед нами обычный капитализм на ранних стадиях его развития, о чем говорит и преобладание торгового и ссудного капиталов в народном хозяйстве, и большая величина теневого сектора в экономике. К тому же идет постепенное огосударствление экономики, скорректированное на формулу «системного бизнеса», где «друзьям можно все, а остальным – по закону» [4, 7]. «Но самое существенное – в российском постиндустриализме ни конкуренция, ни рынок не стали основным двигателем развития». В системе «сохранились все главные наследственные неизлечимые болезни государственного-бюрократического советского социализма: (курсив автора – Ю.Ф.) отсутствие внутренних стимулов роста эффективности. Потребительство. Иждивенчество. Волюнтаризм. Субъективизм. Фаворитизм. Коррупция» [1]. Наряду с отдельными достижениями режима по линии внедрения рынка, частной собственности и снабжения людей необходимыми потребительскими товарами, созданный вариант общественного строя говорит о недокапиталистическом развитии страны, ускорившемся процессе деиндустриализации и нефте-сырьевой ориентации экономики.

Все это позволяет констатировать, во-первых, что развитие России пошло не по демократическому пути с опорой на средний класс и принципы равенства перед законом, а по номенклатурно-олигархическому пути с выделением двух категорий граждан: работников органов безопасности (среди чиновников) и сверхбогатых нуворишей (среди частных собственников). Во-вторых, Россию следует считать страной, отброшенной от индустриального развития «вниз», с разрушенной социально-культурной сферой в результате непродуманных и неумело проведенных реформ, находящейся в критической ситуации (образование, здравоохранение, жилищно-коммунальное хозяйство, область культуры). Следует, видимо, напомнить слова теоретика постиндустриального общества Д. Белла о том, что данное общество «не замещает индустриального, так же, как индустриальное общество не ликвидирует аграрный сектор экономики» [5, CLIV]. В общественном сознании ряда российских теоретиков возникло представление, что постиндустриальное общество, существующее в России, авторитарно-недемократическое, являющееся к тому же «номенклатурно-олигархическим». Автор, видимо, в данном случае не разделяет два процесса в переходном периоде к рынку: один от экономики государственного социализма к рыночной экономике индустриального (в данном случае капиталистического) типа; другой – от рыночной индустриальной экономики к постиндустриальной экономике, которая носит в том числе и рыночный характер. Выносить постиндустриальную экономику за пределы рынка в основных секторах народного хозяйства, особенно когда главной движущей силой частного предпринимательства являются доход, прибыль, дивиденды, маржа и т.д. по крайней мере нерационально, а для экономиста – просто безграмотно. В-третьих, идея автора о том, что будет достигнут «исторический компромисс»: «власть исполнительная остается в руках номенклатуры, проводящей реформы, а контроль над ними осуществляет представительная власть, в которой демократические силы будут значительными или даже доминирующими» [6, 117], не была замечена общественностью. Исполнительная власть подмяла под себя законодательную и благодаря чиновничьему беспределу утвердила в обществе «управляемую демократию», т.е. такой вариант демократии, который выгоден номенклатуре.

Третий вопрос, который мы намерены рассмотреть, касается реформ «номенклатурно-олигархического постиндустриализма». По мнению Г. Попова, следует осуществить еще два «цикла реформ», чтобы «выйти из социализма»: реформу непродуманной сферы и реформу национально-государственного устройства России, чтобы оставаться одной из великих держав мира. На наш взгляд, реформы населению уже изрядно надоели, тем более что они проводятся некомплексно, непродуманно, со многими издержками, по инициативе «сверху». Никакого экспертного совета у правительства по реформам нет. Квалификация министров, которым поручено реформирование отдельных сфер экономики, оставляет желать лучшего. В этих условиях реформирование политической системы, образования и военного дела идет по второму и даже третьему кругу.

Страна сейчас стоит в экономике перед реиндустриализацией, а во всей системе взаимоотношений в обществе – перед модернизацией [7, 27-35]. Представления автора по части дополнительных реформ уже устарели, тем более что степень деформации при «номенклатурно-олигархическом постиндустриализме» достигла системного уровня. В настоящее время «экономика стран-лидеров опирается на так называемый пятый технологический уклад и начинает переходить к шестому. Что же касается России, то ее экономика в основном находится в четвертом технологическом укладе с элементами пятого» [8, 4]. Здесь прослеживается следующая логика: для того чтобы перейти к новым технологическим укладам, основанным на инновациях, следует развивать новейшие виды техники и технологии, для чего нужна соответствующая промышленная база с современным машиностроением и приборостроением. Для этого необходимо осуществлять государственную промышленную политику, про которую как-то забыли нынешние либеральные теоретики, полагаясь на стихийную перестройку экономики.

В этой связи показательна позиция Е. Ясина. С одной стороны, он считает, что в период проведения активных рыночных реформ, заключающихся в либерализации, допустима пассивная структурная перестройка рыночной экономики: резкое снижение доли промышленности, повышение доли торговли и отраслей, предлагающие рыночные и нерыночные услуги [9, 14]. Однако на стадии модернизации «роль государства... должна быть усилена» [9, 19]. И несмотря на то, что его симпатии на стороне тех, кто считает наиболее эффективным вариантом для страны осуществление «модернизации снизу», по его мнению, реального усиления роли государства в модернизации экономики не происходит. Экономическая политика колеблется между альтернативными моделями модернизации, склоняясь скорее к централистскому варианту, что выражается в госрегулировании цен для борьбы с инфляцией, увеличении государственного сектора и предпринимательства [9, 29].

Надо сказать, что упор на ведущую роль государства («модернизация сверху») прослеживается в работах российских экономистов старшего поколения, например, С. Меньшикова. Он выдвигает две программы: максимум и минимум. Первая из них означает возврат активов, незаконно присвоенных олигархическими группами. Вторая – реальную передачу государству эффективного контроля над природными недрами, права изъятия природной ренты при оставлении ее добычи в частных руках, т.е. у тех же монополий. Естественно, что во втором случае олигархия могла бы смириться с потерей значительной части сверхприбыли в обмен на сохранение и даже признание их права собственности на прежние государственные активы [10, 407]. Очевидно, что российские коммунисты и, может быть, социал-демократы будут приветствовать программу максимум. Что касается второй программы, то коммунисты будут против, тогда как у либералов первая, частично и вторая программы вызовут активное отторжение. Так что в действительности стране нужны не отдельные отраслевые реформы, а модернизация всей экономической, политической и социально-культурной сфер общественной жизни, которую можно осуществить на основе программно-целевого подхода и выделения в народном хозяйстве ряда крупных блоков-проблем.

Четвертый вопрос, который мы здесь рассматриваем, касается реорганизации второй (законодательной), третьей (судебной) и четвертой (СМИ) властей в стране. «Надо иметь систему, при которой основная часть депутатов – неосвобожденные» [1]. Идея Г. Попова заключается в том, что средства на содержание этих сфер должны приходиться не от государства и от чиновников, а непосредственно от коллективов работников этих отраслей, объединенных в союзы и ассоциации. Мировых судей и журналистов, в первом приближении, должен избирать «народ», а уже они – свое руководство. В этом предложении есть рациональное зерно, однако, пока у власти находится объединенная коалиция чиновников и олигархов, следует с осторожностью формулировать свои предложения, ведь при проведении в настоящее время выборов соответствующие законы явно не сработают, потому что у власти есть ресурс для преследования инакомыслящих, запугивания колеблющихся и распространения угроз на тех граждан, которые зависят от государства. Правящая коалиция по существу «приватизировала» государством, которое проводит не нейтральную политику балансирования разнообразных интересов, а следует официальной линии власти, зафиксированной в решениях «ЕД», ОНФ. Деятельность других политических партий, представленных в Госдуме, фактически идет в фарватере правящей партии. Поэтому заявление Г. Попова о том, что «я верю в добрые намерения наших властей, и особенно лидеров» [1] следует, с одной стороны, рассматривать как реверанс политическому руководству страны, а с другой – как непонимание роли личности в истории. Автор считает, что причину надо искать в системе «номенклатурно-олигархического постиндустриализма», и вместе с тем оправдывает лидеров этой системы, видимо, не желая с ними ссориться. Но такая двойственность лишает выступление автора в печати доказательных аргументов.

В середине сентября 2014 г. В. Путин заявил: «За предстоящие полтора-два года необходимо совершить настоящий рывок в повышении конкурентоспособности российского ре-

ального сектора экономики» [11]. Россия сейчас находится примерно на 140 – 150 месте среди стран мира по развитию принципов конкуренции. Поэтому решить проблему за два года, если она не решалась в течение двадцати лет – иллюзия. Экономические санкции западных стран в связи с событиями на Украине лишь обострили эту проблему. Е. Ясин пишет: «Грядут значительные перемены. Но, к сожалению, смена политическому курсу в сторону либерализма, развития конкуренции и свободы предпринимательства в данной обстановке маловероятны» [12, 5]. А по мнению политолога В. Пастухова необходимо вникнуть в логику действий национального лидера: «Он понял и принял исторический вызов Запада, но дал на него неправильный ответ. Вместо того, чтобы осуществить глубокую модернизацию России и повысить ее реальную конкурентоспособность, он решил остановить историческое время и отгородиться от Запада «вежливыми людьми» [13, 8]. Так что без «западного фактора» рассматривать проблемы доведения «до конца» процесса реформирования России непродуктивно.

В конце своей статьи Г. Попов высказывает соображения о том, что Россия может существовать только в варианте *одной из великих держав мира*, на которую будут просто *неразумно нападать* другим странам (курсив автора – Ю.Ф.). Для этого России надо иметь то, чего нет у других. И это преимущество у нее есть в виде *«теоретической науки, питающейся великой культурой»* (курсив автора – Ю.Ф.) [1]. Автор как бы не замечает, что в 2013 г. власть, по сути, разгромила Академию наук, которая существовала с XVIII века и поставила во главе нее организацию менеджеров, далекую от академических интересов и преследующих лишь меркантильные цели. В этих условиях интеллигенция не может стать «хребтом России», как было для страны много веков дворянство, но зато вспоминаются более поздние времена, когда над интеллигенцией были «красные комиссары», которые помогали проводить властям государственную линию и диктатуру пролетариата.

Выводы

Финалистская концепция всемирной истории непродуктивна при изучении будущего России. Страна стоит перед реиндустриализацией и модернизацией на основе разработки и использования инноваций. Стать цивилизованной страной во всех смыслах – вот ближайшая задача России.

Литература

1. Попов Г. Четверть века спустя – Московский комсомолец, 11 июня 2014 г.
2. Попов Г.Х. Снова в оппозиции. – М.: Галактика, 1994.
3. Фукуяма Ф. Конец истории или последний человек. Пер. с англ. – М.: Ермак, 2004.
4. Новая газета, 19.09.2014.
5. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Akademia, 1999.
6. Попов Г.Х. Проблемы выхода из социализма. – Вопросы экономики, 2006 г. № 4.
7. Филякин Ю.П. Теоретические проблемы становления социально-ориентированной рыночной экономики: опыт России. – М.: РАСХН, 2000.
8. Реиндустриализация российской экономики: перспективы, потенциал, риски. Научный доклад ИЭ РАН и ИНИР, Руководители проекта Гринберг Р.С., Бодрунов С.Д. – М. Санкт-Петербург, 2013.
9. Ясин Е. Государство и экономики на пути модернизации. Вопросы экономики, 2006 № 4.
10. Меньшиков С.М. Анатомия российского капитализма, - М.: Международные отношения, 2004.
11. Московский комсомолец, 22.09.2014.
12. Новая газета. 26.09.2014.
13. Новая газета. 28.09.2014.